

Трудами дореволюционных и советских авторов создана значительная литература по этнографии народов Кавказа, в частности по Северной Осетии. В ней исследованы многие общие и частные проблемы, связанные главным образом с этнической историей, хозяйством, материальной и духовной культурой, семьей и семейно-брачными отношениями, обрядами, обычаями и т. д. Среди публикаций недавнего времени, тесно связанных с указанной проблематикой, следует назвать книгу Б. А. Калоева «Осетины» (М., 1963), а также работы А. Х. Магометова «Культура и быт осетинского народа» (Орджоникидзе, 1968) и Л. А. Чибирова «Осетинское народное жилище» (Цхинвали, 1970). Однако ряд проблем, такие, например, как формы и структура поселений, типы жилища, социальные отношения, патронимическая организация, культурно-исторические связи между народами горного Кавказа, все еще недостаточно изучены в историко-этнографическом плане. Поэтому рецензируемую работу А. И. Робакидзе и Г. Г. Гегечкори следует считать важным вкладом в историко-этнографическую науку. Эта работа базируется на большом, главным образом полевым, материале, собранном этнографической экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР в 1968—1970 гг.

Работа состоит из двух глав: «Формы жилища» и «Структура поселения». Иллюстративный материал — фотографии и схемы — сведен в XXXIX таблиц в отдельном приложении. Авторы подчеркивают, что их основной задачей было изучение реального историко-этнографического содержания культурно-исторических и этнических связей между народами Кавказа.

Из большого числа поднятых в работе вопросов в данной рецензии остановимся лишь на наиболее важных.

Вполне убедительно аргументировано положение авторов о том, что поселения в горной Осетии в досоветский период носили патронимический характер (стр. 96, 104—106, 192 и др.). Интересные соображения высказаны о дочерних поселениях, возникших в результате выдела семьи из отчего дома (стр. 103, 128 и др.), о процессе формирования феодального общества на базе разложения общинного быта (стр. 80, 192 и др.), о формировании поселений с одно- и многофамильным населением (стр. 131, 132, 153 и др.), о формах собственности на пахотные земли, сенокосные угодья и зональные пастбища (стр. 91—93, 134 и др.), о патронимической собственности на пастбища, выгоны и лес (стр. 109, 129 и др.).

Можно согласиться и с мнением А. И. Робакидзе и Г. Г. Гегечкори о том, что «социально-экономическая и идеологическая общность патронимии не могла возникнуть в процессе сегментации индивидуальной семьи с частной собственностью в основе и что формирование патронимической организации происходило в процессе сегментации семейной общины или ее пережиточной формы, которая характеризовалась семейно-общинной собственностью...» (стр. 142). Интересно описаны строительные материалы (стр. 29—33), строительная техника (стр. 34—40), народные приметы, поверья и обряды (стр. 24—29, 31, 32, 37, 95, 145 и др.).

Авторы сделали весьма ценные обобщения, касающиеся этнокультурных связей осетин с ингушами, чеченцами, этнографическими или локальными группами грузин.

Благоприятное впечатление оставляет вторая часть работы, посвященная структуре поселений и влиянию патронимической организации на образование сел и патронимических кварталов.

На наш взгляд, однако, авторы не уделили должного внимания такому важному вопросу, как классификация осетинских сел и выселок. Недостаточны данные с различных типов и разновидностей жилища. Отмечая неудачную классификацию типов жилища Северной Осетии в работах Е. Г. Пчелиной, В. К. Тотрова, Б. А. Калоева, Л. А. Чибирова, А. Х. Магометова (стр. 17—23), авторы сами, к сожалению, не дали достаточно аргументированной классификации общесетинских и горноосетинских форм поселений, а также жилых комплексов, отдельных типов жилища и их разновидностей. Думается, что авторы могли бы извлечь из собранных полевых этнографических материалов немало данных, необходимых для характеристики современных форм поселений и типов жилища. Это было бы весьма полезно как для подготовки регионального выпуска историко-этнографического атласа народов Северного Кавказа, так и для составления сводного общекавказского атласа.

Не совсем ясна структура сборника. В своей статье А. И. Робакидзе и В. П. Кобычев рекомендовали подавать материал в другой последовательности¹.

Недостатком рецензируемого труда является отсутствие в нем четкого определения хронологии исторических рубежей. В связи с этим трудно проследить историческую последовательность возникновения и развития форм поселений, жилых и оборонительных комплексов, отдельных типов жилища и их подтипов (разновидностей), характерных для отдельных этнических или локальных групп населения. Авторы лишь

¹ В. П. Кобычев, А. И. Робакидзе. Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа.— «Сов. этнография», 1967, № 2, с. 41, 42.

упоминают о том, что в исследуемом регионе они установили два основных типа жилого комплекса, не исключаящих наличия локальных особенностей. Этого явно недостаточно для того, чтобы широкий круг читателей и специалисты могли получить представление о типологии осетинского жилища и поселений.

Интересны выводы авторов относительно типологических аналогий в жилище осетинского, грузинского, ингушского, чеченского народов. Четко выделены ими социально-исторические и культурные факторы, стимулировавшие взаимопроникновение и взаимообогащение национальных культур. К сожалению, эти выводы недостаточно подтверждены конкретным материалом. Важное значение имела бы аргументация положения авторов о том, что «патронимическая организация в Канском ущелье именовалась грузинским термином *комоба...*» (стр. 130).

В работе встречаются досадные опечатки, например вместо «поселение» ошибочно напечатано «население» (стр. 161). Немало погрешностей можно найти и в принятых в работе сокращениях.

И последнее: рецензируемую работу безусловно нельзя назвать сборником. Это монографическое исследование двух авторов, посвященное культурно-историческим и этническим связям северных осетин (по материалам поселений и типов жилища).

Отмеченные выше погрешности и недостатки работы тем более досадны, что в целом сборник «Формы жилища и структура поселения горной Осетии» является большим вкладом в советское кавказоведение.

Я. Р. Винников

Н. М. Ведерникова. Русская народная сказка. М., 1975, 133 с.

Работа Н. М. Ведерниковой о сказке отражает как основные достижения, так и те не до конца проясненные вопросы, которые есть в нашей науке. Естественно, Н. М. Ведерникова не ставила перед собой цель решить их, но она четко наметила основные направления, по которым должна продолжаться работа над сказкой: изучение ее жанрового своеобразия, исторического развития, поэтики, классификации и т. п.

Н. М. Ведерниковой тщательно проработан, отобран и введен в научный оборот тот большой аналитический материал, который в основном и составляет научный багаж советского сказковедения. И в этом смысле работа может считаться итоговой на современном этапе изучения сказки.

Это попытка широко, хотя и с явно недостаточным привлечением материала (вследствие ограниченности листажа), представить историю жанра русской сказки, начиная от первых упоминаний сказочных мотивов или сюжетов в древнерусской литературе до интенсивного собирания и изучения в XIX и начале XX в. Исторический материал в работе — своеобразный фон, на котором решаются вопросы поэтического своеобразия сказки XIX в., исследуется ее судьба в наше время. Задача охватить в целом круг интересов науки о сказке определила естественное членение работы, состоящей из историографического введения и четырех глав («Волшебные сказки», «Сказки о животных», «Бытовые сказки», «Сказка и современность»).

В последней главе, отмечая затухание сказочной традиции и на Севере, Н. Ведерникова выделяет те признаки, которые свидетельствуют о разрушении жанра (сокращение сюжета, забвение некоторых сюжетов или мотивов, стремление к реалистичности, подчас к социальности, появление психологизма, стремление мотивировать фантастическое, обновление языка), указывает и на причины как общего культурного плана, так и на своеобразии современного бытования жанра (изменение состава слушателей, переход сказки в детскую аудиторию). В работе ощущается опыт собирательской деятельности исследовательницы и ее собственные наблюдения над жизнью сказки сегодня.

Однако хорошее владение материалом поздних записей иногда заставляет исследовательницу распространять некоторые из закономерностей на сказку в целом. Так, говоря о женских образах в волшебной сказке, в частности об образе матери, которая тревожится за сына, Н. Ведерникова пишет: «Эта передача внутреннего состояния может разрастаться в целую психологическую картину» (стр. 50). И далее приводится отрывок из сказки в поздней (1973 г.) записи.

Психологические переживания героя сказки даются весьма своеобразно, часто через чувство голода и жажды, как отметил П. Богатырев¹. В этом смысле «Белая уточка» в том виде, в каком она приведена в сборнике Афанасьева, не типична для сказки и обнаруживает явное влияние лирической народной поэзии (не случайно плач уточки напоминает причитание).

В последние десятилетия в литературоведении и фольклористике возник ряд новых проблем, которые не обошли и повествовательную стихию сказки. Думается, примени-

¹ П. Г. Богатырев. Изображение переживаний действующих лиц в русской народной волшебной сказке. — «Фольклор как искусство слова», вып. 2. М., 1969.